

О ФАШИСТАХ ВСЕРЬЕЗ

В этой книге я хочу объяснить, что такое фашизм, поняв самих фашистов: что это были за люди, откуда они взялись, каковы были их мотивации, как они пришли к власти. Мое внимание занимает именно эпоха зарождения и подъема фашистских движений, а не фашизм как уже устоявшийся режим. Мне интересна «приливная волна» фашизма, затопившая такие европейские страны, как Австрия, Германия, Италия, Венгрия, Румыния и Испания. Мы сможем хоть что-то сказать об отдельных фашистах и их деяниях лишь тогда, когда поймем, что объединило их в определенные политические организации. Кроме того, мы должны понять фашистские движения в широком контексте межвоенной Европы и господствовавших в ней стремлений к укреплению государственности и большей сплоченности нации. Ибо фашизм — не случайное отклонение и представляет не только исторический интерес. Фашизм — это, хотим мы того или нет, могущественная движущая сила Нового времени. Сейчас, в начале XXI века, у нас есть семь причин относиться к фашистам со всей серьезностью.

1. Фашизм — вовсе не тупиковая ветвь развития современного общества. В XX веке он был одной из ведущих политических доктрин всемирно-исторического значения. И вполне вероятно, что тот же фашизм, хоть, скорее всего, и под другим именем, сможет сыграть весомую роль и в XXI веке. Фашизм — это отличительная черта Современности⁴.

2. Фашизм как движение не существует в отрыве от других современных общественно-политических движений. Фашисты лишь усерднее других молятся на главную икону наших дней: национальное

⁴ Автор использует термин *modernity*, в гуманитарных науках обозначающий социально-культурную формацию, характеризующуюся секуляризацией, бурным развитием науки и техники, переходом от аграрного общества к индустриальному и, не в последнюю очередь, отказом от сакральной легитимации власти (от суверенитета монарха к суверенитету народа). В русскоязычной литературе этот термин передается либо как Современность, либо как Модерн (как с большой, так и с маленькой буквы), либо — редко — как модернити. — *Примеч. науч. ред.*

государство со всеми его идеологиями и патологиями. Можно благодарить судьбу за то, что сейчас в мире по большей части господствуют умеренные национальные государства, карательные функции которых сведены к минимуму, а национализм, в сущности, безвреден. Государственная бюрократия раздражает нас, но не ужасает — положи руку на сердце, признаем, что современное государство все-таки служит интересам народа. Национализм, как правило, выглядит «одомашненным» и неопасным. Пусть французы гордятся своей несравненной культурой, пусть американцы считают себя самым свободным народом на земле, пусть японцы восхищаются своей уникальной расовой гомогенностью — все эти весьма сомнительные утверждения утешают их самих, вызывают иронические ухмылки у других народов, но едва ли кому-то вредят.

Фашизм представляет собой иной уровень национал-этатизма. Переход на этот уровень совершается сразу в отношении и нации, и государства. Если говорить о нации, то стремление к демократии переплетается с понятием «целостного» или «органического» народа. Власть должна принадлежать народу, кто бы спорил; но сам народ при этом рассматривается как единый и неделимый, а значит, начинает беспощадно освобождаться от чужеродных этнических вкраплений и политических оппонентов (подробнее об этом см. следующую книгу, «Темная сторона демократии», гл. 1). Если же говорить о государстве, то в начале XX века мы стали свидетелями расцвета могущественных государств — «носителей морального проекта», способных к стремительному экономическому, социальному и идейному развитию⁵. В определенных условиях это приводило к формированию сильной авторитарной государственности. Смычка современного национализма и этатизма ставила демократию с ног на голову, авторитарный режим начинал «зачистку» меньшинств и всех несогласных с генеральной линией. Фашизм, переходя на следующий уровень, добавлял к этой картине «низовой» и «радикальный» парамилитаризм. Эта могучая сила могла смести снизу любую оппозицию нации-государству, не щадя ни себя, ни других.

⁵ Теория о том, что в XX веке имели место взлет и падение государства как носителя «морального проекта», занимает центральное место в (Perez-Diaz, 1993).

Такое открытое прославление насилия стало возможным благодаря современной демократизации войны, превращению ее в войну между двумя «армиями граждан». Таким образом, фашизм представляет собой радикальную парамилитарную версию национального государства (собственное определение фашизма я дам в этой главе чуть позже). Это было самое крайнее выражение господствующей политической идеологии нашей эпохи.

3. Прислушаемся к постулатам фашистской доктрины, воспримем их с предельной серьезностью. Не стоит отмахиваться от них, называя безумными, противоречивыми или бессодержательными. В наше время серьезный подход к фашизму распространяется все шире. Штернхелл (Sternhell, 1986: x) пишет, что фашизм имеет «целостную доктрину, не более уязвимую с точки зрения логики, чем учения многих других политических движений». Мосс (Mosse, 1999: x) считает: «лишь... увидев фашизм изнутри, сможем мы в полной мере оценить его привлекательность и силу». Фашисты предлагали вполне возможные решения современных общественных проблем — и именно благодаря этому получали поддержку избирателей и восторженную преданность своих сторонников. Разумеется, как и большинство политических активистов, фашисты были разными и не чурались популизма. Культ вождя и власти делал их оппортунистами. Ради власти лидеры фашизма готовы были почти на все — в том числе и на отказ от своих изначальных ценностей. И все же большинство фашистов, ведущих и ведомых, обладали определенными принципами. Это не были чудачки, «ненормальные», садисты или психопаты или же люди с мешаниной плохо понятых догм и лозунгов в голове (по крайней мере — не больше, чем все мы). Фашизм был движением высоких идеалов: он сумел убедить значительную часть двух молодых поколений в том, что несет с собой более гармоничный общественный порядок. Чтобы понять фашизм, я рассматриваю всерьез его ценности: таков мой метод. Вот почему каждую главу, посвященную рассмотрению того или иного конкретного случая, я начинаю с изложения местного фашистского учения, а затем стараюсь понять, во что могли верить местные рядовые фашисты.

4. Мы должны серьезно разобраться с социальной базой поддержки фашистских движений и понять, каких именно людей при-

влекал фашизм. Не многие фашисты были маргиналами или анти-социальными личностями. Не многие принадлежали к тем классам или социальным группам, что могли бы использовать фашизм как прикрытие для своих узких материальных интересов. Существовала некая социальная база, в которой фашистские идеи и ценности находили наибольший отклик. Рассмотрение этого вопроса, пожалуй, составляет самую новаторскую часть моей книги: и здесь я исхожу из той же методологии — принимаю фашистские ценности всерьез. Дело в том, что эта социальная база была тесно связана с главной священной иконой фашизма — национальным государством. Поняв, кто и почему так любил национальное государство, мы сможем определить, какие люди рискуют соблазниться фашизмом.

5. Стоит серьезно отнестись и к самим фашистским движениям. Они были иерархичны, но в то же время поддерживали чувство товарищества, воплощали и принцип вождизма, и низовое взаимодействие: то и другое укрепляло связь с ними, особенно у одиноких молодых людей, для которых движение начинало составлять почти всю их жизнь. Необходимо оценить по достоинству и парамилитаризм фашистских организаций — ведь именно принцип «народного насилия» привел их к успеху. Фашистские движения испытывали двойкий соблазн. С одной стороны, им хотелось все более радикально и жестоко использовать силу; с другой — наслаждаться плодами тайных сговоров с традиционными элитами. Эти разнонаправленные стремления могли вести как к ужесточению фашизма (как в Германии), так и к его смягчению (как в Италии, по крайней мере, до конца 1930-х). Конкретные фашисты, делающие в своих движениях карьеру, могли двинуться как по одному, так и по другому пути. Нам стоит проследить фашистов в действии: как они применяли насилие, как лавировали, как строили карьеры.

6. Радикальных фашистов следует принимать всерьез в куда более зловещем смысле — как людей, закончивших свой путь бесчеловечными преступлениями. Мы не должны искать им оправданий; но должны попытаться их понять.

Способность творить зло — неотъемлемая часть человеческой натуры, как и способность совершать зло ради благих (как нам кажется) целей. Фашисты были особенно склонны к самообману. Но на то, что совершали они, способны и другие — и нам необходимо знать больше

об обстоятельствах, в которых это становится возможным. Хоть мы и предпочитаем представлять историю и социологию в виде сказки со счастливым концом, реальный опыт человечества в эту розовую картину никак не укладывается. Двадцатый век видел страшное зло: и не как случайность или возрождение первобытных инстинктов — нет, как сознательное, упорядоченное, вполне современное поведение. Понять фашизм — значит понять, как во имя, казалось бы, высоких идеалов современности люди творили зло, которому нет оправдания. Впрочем, худшие проявления фашизма я оставляю для своей следующей книги.

7. Мы должны серьезно отнестись к возможности возрождения фашизма. Поняв, какие условия породили фашизм, мы пойдем также, может ли фашизм вернуться и как этого избежать. Некоторые предпосылки возникновения фашизма живы и по сей день. Органический национализм и парамилитарные движения, приверженность этническим и политическим чисткам и сейчас привлекают тысячи людей во всем мире, толкая их к якобы «идеалистическим», а на деле кровавым и бесчеловечным действиям против соседей и политических оппонентов, именуемых «врагами». Быть может, это ужасает; но не стоит отмахиваться от этого, списывая на «возвращение первобытных инстинктов». Этнические и политические чистки — главный вклад Европы в историю Нового времени, а парамилитарное насилие — отличительная черта XX века. Это приметы современности: так их и надо понимать. Нам повезло, что этатизм (третий важнейший элемент фашизма, после органического национализма и парамилитаризма) сегодня вышел из моды, поскольку оба великих этатистских проекта, фашизм и коммунизм, потерпели крах. Современные режимы, склонные к чисткам, заигрывают с авторитаризмом и парамилитарным насилием, однако именуют себя демократическими; а слова «фашист» и «коммунист» в наше время почти обесмыслились и превратились в ругательства. Но подождем, пока неолиберализм, якобы способный обойтись вовсе без государства, причинит миру столько же вреда, — и, быть может, эта неприязнь к сильному государству померкнет. Радикальные этатистские ценности снова сольются с радикальным парамилитарным национализмом в движениях, напоминающих фашизм, — если мы только не извлечем урока из истории, о которой я рассказываю в этой книге. Едва ли новые движения станут называть

себя фашистскими: слово это сейчас слишком одиозно. Однако суть фашизма жива и сейчас.

В исследовании фашизма существуют две школы. Более идеалистическая националистическая школа, о которой мы поговорим первой, сосредоточена на фашистской идеологии и доктрине, а более материалистическая классовая школа, о которой поговорим второй, — на классовой базе фашизма и его соотношении с капитализмом. Споры между ними представляют собой, по сути, еще один извод вечного спора между идеализмом и материализмом в общественных науках. В сущности, эти две школы обсуждают разные уровни одного и того же феномена — убеждения vs. социальная база/функции, и потому часто дополняют друг друга. Однако приемлемая общая теория фашизма пока отсутствует. Таковую теорию необходимо выстроить на основе обоих подходов, заимствуя у каждого что-то полезное и добавляя то, чем оба пренебрегают.

Я предпочитаю не потчевать читателей ударной дозой социологической теории. Однако собственный мой подход основывается на более общей модели человеческих обществ, выходящей за рамки дуализма «идеализм/материализм». В более ранней своей работе я выделяю четыре источника социальной власти в человеческом обществе: идеологический, экономический, военный, политический⁶. Классовые теории фашизма выдвигают на первое место в своих объяснениях экономическую власть, националистические теории — идеологическую. Однако для объяснения значительных исторических и общественных событий необходимо учитывать все четыре источника социальной власти. Чтобы достичь своих целей, общественные движения в той или иной степени захватывают контроль над системами создания и распространения смыслов (идеологическая власть), средствами производства материальных благ и обмена благами (экономическая), организованным физическим насилием (военная) и централизованными или территориальными институтами общественного управления (политическая). Чтобы объяснить фашизм, необходим учет всех четырех факторов. Массовый фашизм стал ответом на послевоенные

⁶ Если читателям интересно узнать подробнее о моей общей теории, можно ознакомиться с вводными главами двух опубликованных томов моей истории власти в обществе (Mann, 1986; 1993).

кризисы — идеологический, экономический, военный, политический. Фашисты предлагали выход из всех этих кризисов. Фашистские организации сочетали в себе серьезные идеологические инновации (так называемую «пропаганду»), стремление к победе на выборах и парамилитарное насилие. В попытках достичь власти и удержать власть фашистские лидеры стремились также нейтрализовать существующие экономические, военные, политические и идеологические (особенно церковные) элиты. Таким образом, любое объяснение фашизма должно принимать в расчет все четыре источника социальной власти, как и показывают эмпирические главы этой книги, посвященные конкретным случаям. В последней главе я изложу свои выводы: общее объяснение фашизма.

ПУТЬ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФАШИЗМА

Очевидно, вначале стоит договориться о терминах, хотя это и непростая задача. Некоторые ученые вообще отказываются говорить о фашизме как родовом понятии, полагая, что «истинный» фашизм можно было найти только у него на родине, в Италии. Я, как и многие другие, с этим не согласен. Однако и я не стану начинать с родового определения, которое можно было бы применять к разным временам и странам. Для начала я предложу эвристическую модель, подходящую для Европы в период между двумя мировыми войнами, и лишь в последней главе подниму вопрос о том, существуют ли фашистские движения в иных местах и в более близкие к нам времена.

Для начала разберемся с общим определением фашизма, опираясь на взгляды его ведущих интеллектуалов, в основном на комментарии Штернхелла (Sternhell, 1976; 1986; 1994) и Моссе (Mosse, 1999), а также на компиляцию фашистских первоисточников, собранных Грифффином (Griffin, 1995). Большинство теоретиков фашизма изначально были левыми, не-материалистами, принимающими органический национализм. В 1898 г. француз Барре назвал созданный им сплав «социальным национализмом»; итальянец Коррадини

поменял эти слова местами и ввел термин «национальный социализм», который и прижился, хотя под «социализмом» Коррадини имел в виду синдикализм. «Синдикализм и национализм вместе — вот учение, воплощающее в себе солидарность», — подчеркивал он. Классовый конфликт и секторальные интересы можно гармонизировать с помощью синдикалистских (профсоюзных) организаций, координируемых «корпоративным государством». Таким образом, национальный социализм строится в границах нации, а классовая борьба превращается в борьбу между народами. «Буржуазные» нации (такие как Великобритания или Франция) эксплуатируют нации «пролетарские» (такие как Италия). Пролетарская нация должна сопротивляться угнетению экономическими средствами, опираясь на «священную миссию империализма». Идеи, хорошо знакомые XX веку: все, кроме последней фразы, здесь очень напоминает современнейший нам социализм третьего мира.

Будучи левыми, но не материалистами, эти теоретики восхваляли «сопротивление», «волю», «движение», «коллективное действие», «массы» и диалектику «прогресса» через «борьбу», «силу» и «насилие». Эти ницшеанские ценности и делали фашизм радикальным. Фашисты готовы были безжалостно подавлять противников — силой, если потребуется, не входя в переговоры и не идя на компромисс. На практике это означало создание не только партий, но и парамилитарных движений. Будучи коллективистами, они презирали «аморальный индивидуализм» рыночного либерализма и «буржуазную демократию», пренебрегающую интересами «живых общин» и «нации как органического целого». Нация была для них едина и неделима: своего рода живое существо, понимаемое как целостное и органическое. Быть немцем, итальянцем или французом, утверждали фашисты, — это нечто намного большее, чем жить на определенной территории: это опыт, который не дано пережить чужаку, это первичное, внерациональное ощущение единства. Мосс подчеркивает, что немецкое понимание нации отличается от южноевропейского: в нем играет роль не только культура, но и расовая теория. Опираясь на социал-дарвинизм, на антисемитизм, на различные расовые теории XIX века, оно порождает *Volk* — этнокультурное единство, растворяющее в себе все внутренние конфликты, однако и более высокими стенами огражденное от прочих народов.

Тем не менее у нации есть и моральная, и рациональная структура. Основываясь на Руссо и Дюркгейме, теоретики говорили, что соперничающие институты — рынки, партии, социальные классы, выборы — морали не создают. Мораль должна исходить из общины, из нации. Француз Берт так негодовал против либерализма: «Общество доведено до той грани, где все оно превращается в рынок, в Броуново движение свободно покупающих и продающих атомов, при соприкосновении с которым растворяется все остальное... пылинки отдельных людей, запертые в узких границах своих сознаний и банковских сейфов». Панунцио и Боттаи вслед за Дюркгеймом восхваляли добродетели «гражданского общества», видя в добровольных общественных объединениях фундамент свободы. Однако эти объединения должны быть интегрированы в общее корпоративное государство, представляющее интересы нации как целого. Без этой связи между государством и общественными объединениями, говорили они, государство останется «пустым», с «дефицитом социального содержания», что и происходит с либеральными государствами (Riley, 2002: гл. 1). Фашистское государство, напротив, должно быть корпоративным и социальным, прочными узами скрепленным с обществом. Все это тоже звучит очень современно. С тем же успехом Берт и Панунцио могли бы написать это сто лет спустя, в порядке критики неолиберализма.

Критиковали фашистские интеллектуалы и левых, попавших в ловушку пассивного буржуазного материализма. Их революционные претензии, говорили они, не в силах спорить с превосходящей мощью современной войны между целыми народами. Нации, а не классы — вот истинные массы современности. Классовая борьба между капиталистом и рабочим, настаивали фашисты, вовсе не корень зла. Настоящая борьба идет между «тружениками всех классов», «продуктивными классами» — и паразитическими «врагами», под которыми, как правило, понимались финансисты, иностранные или еврейские капиталисты. Свою миссию фашисты видели в том, чтобы защищать труженников всех классов. Француз Валуа писал: «Национализм + социализм = фашизм», англичанин Мосли говорил: «Если ты любишь свою страну — ты националист; если любишь свой народ — ты социалист». В начале XX века, в «эпоху масс», эти идеи были очень привлекательны: фашисты обещали преодолеть классовую борьбу, грозившую разорвать ткань общества. В сущности, более

умеренные версии таких обещаний приняла на вооружение большая часть успешных политических движений XX века.

Представлять нацию должно корпоративистское, синдикалистское государство. Лишь оно сможет преодолеть упадок нравов и классовую борьбу буржуазного общества, предложив «общий план» — этатистский третий путь между социализмом и капитализмом. Итальянец Джентиле, впоследствии ставший фашистом, писал, что фашизм разрешает «парадокс свободы и власти. Власть государства абсолютна». С ним соглашался Муссолини: «Все в Государстве, ничего против Государства, ничего вне Государства». «Нас ждет тоталитарное государство во имя целостности родины», — провозглашал испанец Хосе Антонио Примо де Ривера. Бельгиец Анри де Ман приветствовал «авторитарную демократию». «Фашистская революция» создаст «тотального человека в тотальном обществе — без конфликтов, без протрации, без анархии», — писал француз Деа.

Но это в будущем. А сейчас ради самореализации нация должна бороться со своими врагами. Борьбу возглавит парамилитарная элита. Более радикальные фашисты оправдывали «нравственно допустимое убийство». Они утверждали, что парамилитарное насилие «очистит» и «возродит» сначала элиту, которая его совершает, а затем и всю нацию. Валуа выразил эту мысль брутально:

«Буржуа щелкает на счетах и подводит баланс:

— Два плюс три равняется...

— Нулю! — говорит Варвар и проламывает ему череп».

Варвар-фашист для Валуа был нравственно прав, поскольку представлял именно органическое единство нации, из которого исходят все моральные ценности. Разумеется, для этих интеллектуалов, обитавших в том же пост-ницшеанском мире, что породил философию жизни, сюрреализм и дадаизм, все это были в значительной степени литературные метафоры. Но позже для фашистов «с улицы» эти метафоры станут руководством к действию.

О'Салливан (O'Sullivan, 1983: 33–69) замечает, что фашисты ненавидели «ограниченную природу» либеральной демократии, ее несовершенную, непрямую, представительскую форму правления. Либеральная демократия смиряется с конфликтами интересов, про-

куренными залами заседаний, сделками «ты мне, я тебе», нечисто-плотными и беспринципными компромиссами. Принятие несовершенства и компромиссов — в этом суть демократии, и либеральной, и социальной. Потенциальные «враги» здесь превращаются просто в «оппонентов», с которыми можно и договориться. Либеральная и социальная демократии не признают абсолютной истины, монополии на добродетель. Они антигероичны. Работая над этими двумя книгами, я научился не ждать от наших демократических политиков чрезмерной принципиальности. Нам нужна их беспринципность, их грязные сделки. Но фашисты были слеплены из другого теста. Политику они воспринимали как ничем не ограниченное средство достижения нравственных абсолютов. Говоря словами Макса Вебера, это было ценностно-рациональное поведение, ориентированное на достижение абсолютных ценностей, а не инструментальных интересов.

Это предполагает серьезную эмоциональную вовлеченность. Фашизм видел себя как *крестовый поход*. Зло фашисты не считали универсальным свойством человеческой природы. Как и некоторые марксисты, они верили, что зло воплощено в некоторых общественных институтах, а значит, его можно уничтожить. Органическая нация, очищенная от «врагов», вполне может достичь совершенства. Как отмечает О'Салливан, крайним примером таких воззрений был лидер румынских фашистов Кодряну. Свой «Легион Михаила Архангела» он рассматривал как нравственную силу: «Все [прочие] политические организации... верят, что страна гибнет от недостатка хороших программ: поэтому они придумывают себе очередную дурацкую программу и начинают под нее вербовать сторонников». На самом деле, продолжает Кодряну, все совсем не так: «Страна гибнет от недостатка людей, а не программ». «Нам нужны люди, новые люди». С новыми людьми Легион освободит Румынию от «сил зла». Это будут «герои», «самые чистые души, какие может представить наш разум; самые гордые, высокие, прямые, могучие, мудрые, отважные, неутомимые, каких способна породить наша раса». Они будут сражаться с «врагами», загрязняющими нацию (Codreanu, 1990: 219–221). В борьбе добра со злом, верил Кодряну, насилие вполне оправданно.

Однако очевидно: чтобы понять фашизм, нельзя ограничиваться интеллектуалами. Как идеи, приведенные выше, побуждали миллионы европейцев к действиям? Какие жизненные условия открыли дорогу

столь необычайным чувствам и убеждениям? Штернхелл склонен считать, что фашизм сформировался до Первой мировой войны, ему не интересен вызванный войной переход от пламенной риторики отдельных ораторов к массовому движению. Однако ценности и эмоции позднейших рядовых фашистов исследовать нелегко. Большинство из них мало рассказывали о своих взглядах. А если и рассказывали, часто лгали (ибо были под судом и им грозила смерть). В своих эмпирических главах я постарался собрать все свидетельства, какими мы располагаем.

Кроме того, Штернхелл в своем исследовании явно предубежден в пользу ранних итальянских, испанских и французских интеллектуалов, а немцами откровенно пренебрегает. Мосс и другие пишут, что фашизм — не то же, что нацизм. Они полагают, что нацистов, как расистов и антисемитов, больше занимал народ, *Volk*, и в меньшей степени государство, а модель утопического государства у них вовсе отсутствовала. Нацию представляло не государство, а нацистское движение, а персонифицировалась она в фюрере. Среди южноевропейских фашистов, напротив, расистов и антисемитов было немного, и они много говорили о своем идеале государства, корпоративистском и синдикалистском. Нацизм был *volkisch* (народным), фашизм — этатистским (Mosse, 1964, 1966, 1999; Bracher, 1973: 605–609; Nolte, 1965, etc). И только у нацистов, продолжают они, расизм привел к геноциду. Следовательно, нацизм — не фашизм.

Хоть некоторое зерно истины в этом и есть, я принадлежу к тем, кто считает нацистов именно фашистами и видит необходимость в использовании слова «фашизм» в качестве общего понятия. Сами Гитлер и Муссолини считали, что принадлежат к одному движению. Фашизм — итальянское слово, и нацисты, будучи немецкими националистами, не хотели его заимствовать (как и некоторые испанские авторы, которых все называют фашистами). Однако, как мы увидим далее, эти движения разделяли одни базовые ценности, одну социальную базу, создавали очень схожие движения. В нацизме на первом месте стоял национализм, в итальянском фашизме — этатизм. Но это лишь вариации одной темы.

Кроме того, стремление развести в разные стороны немецкий нацизм и итальянский фашизм несправедливо ограничивает тему этими двумя странами. Фашизм был распространен куда шире

и запустил множество политических процессов, особенно в правом политическом крыле. Я сосредоточусь на пяти примерах массовых фашистских движений: в Италии, Германии, Австрии, Венгрии и Румынии. Каждое из них уникально, но у всех есть общие черты. Это родственные явления; главная разница между ними — в их способности или неспособности захватить и удержать власть. Достичь власти и установить фашистские режимы, пусть и ненадолго, сумели лишь первые три. Связано это главным образом с тем, что в разных странах фашизм зарождался и развивался в разное время — и, следовательно, политические соперники его, особенно на правом фланге, применяли против него различные методы. В сущности, на примерах Австрии, Венгрии и Румынии мы можем рассмотреть диалектику взаимоотношений между фашизмом и более консервативными формами авторитаризма, диалектику, которая поможет нам лучше понять природу фашизма в целом. Под конец я перейду к Испании — стране, в которой, как и в некоторых других, собственно фашистов было немного, но хватало их попутчиков, и где более консервативным националистам и этатистам удалось удержать своих союзников-фашистов в узде. В следующей своей книге я рассмотрю множество профашистских движений в других странах — Словакии, Хорватии, Украине, Литве и так далее, — принимавших некую смесь немецкого нацизма и итальянского фашизма ради собственных целей⁷.

Дихотомии здесь не было: был *диапазон* фашистских движений и практик — так же как в случае с консерватизмом, социализмом или либерализмом.

Однако, в отличие от социализма (у которого есть марксизм), у фашизма нет систематической теории. Авторы, которых я цитировал выше, говорят самые разные вещи в рамках одного довольно расплывчатого *Weltanschauung* (мировоззрения) — множества взглядов, собранных вместе, из которых разные фашистские движения черпали разное. Определить суть фашизма пытаются многие. Нольте (Nolte, 1965) определял «фашистский минимум» как три «анти-»: антимарксизм, антилиберализм, антиконсерватизм — плюс две характеристики движения, вождизм и милитаризованная партия, направленные к одной цели — тоталитаризму. Из этого не вполне понятно, чего же

⁷ См. М. Манн, «Темная сторона демократии», гл. 10. — *Примеч. науч. ред.*

хотели фашисты, а акцент на «анти-» несправедливо представляет их в виде реакционного, антимодернистского движения.

Ведущим сравнительным историком фашизма считается сейчас Стенли Пейн. По его мнению, ядро фашизма включает в себе три «анти-» Нольте, а также целый список других терминов: национализм, авторитарный этатизм, корпоративизм и синдикализм, империализм, идеализм, волюнтаризм, романтизм, мистицизм, милитаризм и насилие. Вот так список! Дальше Пейн сужает его до трех категорий: стиль, противостояние и программа — хотя это скорее абстрактные, чем сущностные свойства. А заканчивает тем, что фашизм — это «самая революционная форма национализма», основанная на философском идеализме и морально обоснованном насилии (Рауне, 1980: 7; 1995: 7–14). Заключение звучит довольно расплывчато, и, когда Пейн пытается выделить типы фашизма, оказывается, что фашизм классифицируется по национальностям (немецкий, итальянский, испанский, румынский, венгерский, а также целый набор «недоразвитых» фашизмов в других странах), что, казалось бы, наполовину уничтожает общую теоретическую базу.

Хуан Линц — ведущий социолог фашизма. Его определение еще пространнее:

Гипернационалистическое, часто пан-националистическое, антипарламентарное, антилиберальное, антикоммунистическое, популистское, а посему антипролетарское, частично антикапиталистическое и антибуржуазное, антиклерикальное или по меньшей мере не-клерикальное движение; ставит целью национальную социальную интеграцию посредством единой партии и корпоративного представительства (не всегда в равной мере); с отличительной стилистикой и риторикой, с опорой на активистские кадры, способные на насильственные акции в сочетании с электоральной борьбой, с целью установления тоталитарной власти путем сочетания законных и насильственных тактик.

Он также одобрительно цитирует Рамиро Ледесма Рамоса, видного испанского фашиста, который определял фашизм чуть короче и в более чеканных формулировках:

Глубокая национальная идея. Оппозиция демократическим буржуазным институтам, либеральному парламентаризму. Срывание масок

с истинных феодальных властей современного общества. Национальная экономика и народная экономика против международного финансового и монополистического капитализма. Дух власти, дисциплины и насилия. Отрицание антинационального и противоречащего природе человека классово-пролетарского решения очевидных проблем и несправедливостей капиталистической системы (Linz, 1976: 12–15).

Эти авторы ярко излагают фашистский *Weltanschauung* и предполагают, что в основе его лежит гиперационализм. Однако родовому определению необходима большая точность и лапидарность.

Современные ученые стремятся восполнить этот пробел. Итуэлл дает лапидарное определение. Фашизм, говорит он, «стремится имитировать национальное возрождение, основываясь на целостно-национальном радикальном третьем пути». Он добавляет, что на практике фашизм склонен уделять стилю, особенно действию и харизматическому лидеру, больше внимания, чем проработанной программе, и тяготеет к «манихейской демонизации врагов» (Eatwell, 2001: 33; 1995: 11; 1996). Далее он расширяет это определение, разрабатывая четыре ключевые характеристики: национализм, целостность (то есть коллективизм), радикализм и «третий путь». Третий путь лежит между левым и правым, трудом и капиталом, и берет у обоих все лучшее. Это означает, что у фашизма есть практические предложения для современного общества, и, следовательно, он — не антимодернистское движение, а альтернативный взгляд на современность. Определение Итуэлла ближе всего к моему собственному, которое я привожу ниже.

Гриффин полагает, что родовое определение должно быть более сосредоточено на ценностях. В этом отношении он следует за Штернхеллом и Моссом. Он видит в фашизме «мифическое ядро» популистского ультранационализма, вдохновленное идеей возрождения нации, расы или культуры и устремленное к созданию «нового человека». Фашизм — это «палингенетический миф» популистского ультранационализма, представляющий нацию возрождающейся, как феникс, из пепла старого, упадочного общественного порядка. Это «особый род современной политики, ищущей бескомпромиссных революционных преобразований в политической и социальной культуре того или иного национального или этнического сообщества... Классический фашизм черпает вдохновение и энергию в ключевом мифе о том, что

век упадка и разложения непременно должен смениться золотым веком возрождения и омоложения в постлиберальном новом порядке». Гриффин согласен с Итуэллом в том, что фашизм — альтернативный путь модернизации. По его мнению, он представляет «консенсусный» взгляд на фашизм: противостоят ему только материалисты, которых Гриффин высмеивает. Он открывает «первичность культуры» в фашизме. Называет Гриффин фашизм и «политической религией» (Griffin, 1991: 44; 2001: 48; 2002: 24).

Однако таким идеализмом, как у Гриффина, гордиться не стоит. В нем заключена серьезная ошибка. Как может миф породить внутреннюю сплоченность или стать движущей силой? Сам по себе миф не способен ничего двигать или объединять — ведь идеи не парят в пустоте. Без организации и власти идеи не стоят и ломаного гроша. Но к понятию власти Гриффин даже не обращается. Такому определению недостает обычного здравого смысла. Несомненно, фашисты должны были предлагать нечто более практичное, чем мифическое возрождение нации. Кто бы за это проголосовал? Хоть у фашизма и была иррационалистическая сторона, в целом он был достаточно трезв, предлагал и экономические программы, и политические стратегии (Eatwell, 2001). Он был определенно «от мира сего», а сакральным, религиозным измерением человеческой жизни не интересовался, хоть и готов был использовать его в своих целях.

Впрочем, идеализм заметен во всех этих определениях. Первенство в них отдается фашистским идеям. Национализм выглядит бестелесным, отторгнутым от своего основного носителя в реальном мире — национального государства. Сплоченная нация и сильное государство, то и другое вместе — этого желали все фашисты. Гриффин, кроме всего прочего, обеляет фашизм, умалчивая о характерном для него жестоком насилии и парамилитаризме; и даже Итуэлл замечает, что фашизм прибегает к насилию лишь «иногда» (Линц, Нольте, Пейн не пренебрегают значением насилия для фашизма).

Чтобы исправить эти упущения, однако, нет нужды прибегать к традиционной материалистической альтернативе идеализму, вписывая фашизм в теорию капитализма и классов. Нужно определить фашизм в его собственной системе координат, однако к ценностям добавить программы, действия и организации. Фашизм был не просто множеством людей с определенными убеждениями. Фашисты

оказали огромное влияние на мир именно благодаря своим коллективным действиям и организационным формам. Фашисты были преданы элитизму, иерархии, товариществу, популизму и насилию, заключенным в достаточно свободные, парамилитарные формы этатизма. Если фашизм состоит лишь в палингенетических мифах о возрождении — в чем его вред и опасность? Будь фашизм только крайним национализмом — он был бы ксенофобией, и только. Но, принимая парамилитаризм, фашисты подталкивают друг друга к экстремальным действиям, уничтожают своих противников и убеждают множество зрителей, что смогут наконец принести в современное общество порядок. Затем их авторитарное государство требует от народа полного повиновения, уничтожает оппозицию и совершает массовые убийства. Следовательно, наше определение фашизма должно включить в себя как его ключевые ценности, так и ключевые организационные формы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФАШИЗМА

Я определяю фашизм, исходя из его ключевых ценностей, действий и организаций. Если говорить очень кратко, *фашизм — это попытка создать трансцендентное национальное государство, при помощи парамилитаризма проведя народ через чистки*. В этом определении содержится пять ключевых терминов, требующих дальнейшего объяснения. Кроме того, в каждом из них имеются внутренние противоречия.

Национализм. Все признают, что фашисты были глубоко преданы идее «органической», «целостной» нации и что это включало в себя необычно серьезное внимание к «врагам нации», как за границей, так и (особенно) дома. Фашисты не склонны были терпеть этническое и культурное разнообразие — оно, в их понимании, подрывало органическое единство нации. Агрессия против врагов, якобы угрожающих этому единству, — вот изначальный источник радикализма фашистов. Расово окрашенный национализм оказался еще более радикальным, поскольку расовая принадлежность — характеристика врожденная.

С ней мы рождаемся, и только смерть, естественная или насильственная, может ее у нас отнять. Поэтому расовый национализм нацистов оказался сильнее одержим «чистой» и совершил куда больше преступлений, чем итальянский культурный национализм, в целом позволявший присоединяться к нации тем, кто демонстрировал правильные ценности и правильное поведение.

Понятие «возрождения», которое Гриффин считает ключевой характеристикой фашизма, я бы отнес к национализму в целом: оно свойственно и многим умеренным национализмам — например, ирландскому, литовскому или зимбабвийскому. Поскольку нации, в сущности, возникли в Новое время (за одним или двумя исключениями), но националисты притязают на древность своих народов — этот парадокс они разрешают при помощи представления о возрождении древнего народа, ныне приспособившегося к современности⁸.

Миф о преемственности возводит народ ко временам Верховных Королей, Великого Княжества Литовского, Великого Зимбабве — но никто не ждет, что они возродятся в наше время.

Этатизм. Включает в себя и цель, и организационную форму. Фашисты поклонялись государственной власти. Грегор (Gregor 1979) подчеркивает, что именно авторитарное корпоративное государство, по их представлениям, должно было разрешить кризисы, вызвать общественное, нравственное и экономическое развитие. Поскольку государство представляет нацию, которая мыслится как органическая по своему существу, государство должно быть авторитарным — воплощающим в себе единую сплоченную волю, которую выражает партийная элита, преданная принципу вождизма. Ученые обычно подчеркивают «тоталитарные» черты фашистских идеалов и государств: Берли (Burleigh, 2000) и Грегор (Gregor, 2000) говорят об этом и сейчас. Другие соглашаются, что целью фашистов было «полное преобразование» общества, однако выдвигают на первый план отступление от этой цели. Фашистский идеал государства представляется им бессмысленным или противоречивым, поскольку

⁸ Заметим, что Итуэлл отказывается от употребляемого им ранее концепта «перерождения», объявляя его «философски банальным» (Eatwell, 2001). В моей новой книге, готовящейся к изданию, я рассматриваю конкурирующие концепции нации («Темная сторона демократии», гл. 3).

ку содержит в себе одновременно партийные, корпоративистские и синдикалистские элементы, и они подчеркивают, что в реальности фашистские государства были на удивление слабыми. Они обращают внимание на подковерную борьбу и политические торги при режиме Муссолини (Lyttleton, 1987), на «многовластие» и даже «хаос» нацистского режима (Broszat, 1981; Kershaw, 2000). Поэтому они не спешат наклеивать на фашизм ярлык тоталитарности. Для фашистских режимов, как и для коммунистических, характерна диалектика между «движением» и «бюрократией», «перманентной революцией» и «тоталитаризмом» (Mann, 1997). Можно отметить и противоречие между более организованным синдикализмом/корпоративизмом в итальянском стиле и склонностью к поликратической, более гибкой диктатуре, характерной для нацистов. И при всех режимах стремление к единому бюрократическому государству подрывалось партийным и парамилитарным активизмом, а также сделками соперничающих элит. Фашизм был более тоталитарным в своих целях, чем в актуальных проявлениях.

Трансцендентность. Фашисты отвергали консервативное представление, что существующий общественный порядок в целом гармоничен. Отвергали они и либеральные и социал-демократические представления, что конфликт групп интересов — нормальное свойство общества. Отвергали они и левую мысль о том, что гармонии можно достичь, ниспровергнув капитализм. Фашисты вели свою генеалогию и от правых, и от левых, и от центристов, опирались на поддержку представителей всех классов (Weber, 1976: 503). Они нападали и на капитал, и на труд, и на либерально-демократические институты, обостряющие их борьбу. Фашистский национал-этатизм должен был «превзойти» общественную борьбу: сперва обрушить репрессии на все конфликтующие стороны и «проломить им черепа», а затем инкорпорировать классы и другие группы интересов в корпоративистские институты государства. Термин «третий путь», предлагаемый Итуэллом, для такого революционного преобразования общества звучит слишком мягко; его вполне мог бы принять какой-нибудь центристский политик вроде Тони Блэра. Речь определенно не о компромиссе и не о том, чтобы отовсюду взять лучшее (как утверждает Итуэлл). Речь о создании «нового человека».